

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Признание и непризнание государств: опыт комплексного международно- правового анализа понятий

*Ибрагимов А.М.**

В современной международной практике непрерывно происходит важный процесс формирования либо изменения суверенных политических институтов общества. Институт «признание» в международном праве функционирует как обычно-правовой феномен. Однако это ни в коей мере не умаляет его значения для стимулирования межгосударственных отношений. Понятие «непризнание» хотя и является противоположностью признания, тесно связано с ним. Не в пример признанию оно не достигло уровня правового института, но имеет место быть и используется в международных отношениях для целей недопущения неправомерности (незаконности) политических образований с позиции международного права.

Ключевые слова: признание; непризнание государства; опыт; анализ; понятие.

Международное признание – один из институтов международного публичного права, сложившихся в качестве международно-правовых обычаев на основе общей практики, и представляющих значительный интерес для всего мирового сообщества. Признание вновь возникшего государства – это, как правило, добровольный акт другого государства¹. Не мудрено, что необходимость исследования данного института с течением времени сохраняется, поскольку в международную

* Ибрагимов Ахмед Муслимович – к.ю.н., доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета. ahmed63@yandex.ru.

систему вливаются новые государства, требующие выражения отношения к себе со стороны остальных государств. Это обстоятельство заставляет институт признания изменяться либо адаптироваться к изменившейся ситуации.

Между тем, подвижки в составе участников международных отношений не исчерпываются появлением новых государств. Известно, что некоторые уже существующие государства могут объединяться или разделяться, что также требует к себе внимания со стороны других стран, которое объективируется в международное признание. В виду того, что процесс образования новых государств постоянен, следует обратить внимание на практику их юридического признания или непризнания. Она характеризуется сложностью и противоречивостью.

Как заметил в этой связи в 1975 году Д.И.Фельдман, практика государств по проблемам признания далека от единообразия, и говорить о «всеобщей практике» в применении признания не приходится². К такому выводу он пришел ввиду того, что на тот период не было принято универсального международного договора по данной проблематике. Различные вопросы признания тогда регулировались либо обычными нормами, либо региональными соглашениями, либо резолюциями международных организаций и т.д.

Попытки выработки унифицированных подходов к кодификации института признания на универсальном уровне предпринимаются издавна. Так, Комиссия международного права ООН в 1949 г. включила в свою повестку вопрос о признании государств и правительств. Однако эта попытка оказалась безуспешной вследствие острых политических аспектов проблематики, которая, в конце концов, была снята с обсуждения в рамках Комиссии³.

Спустя несколько десятков лет, в третьем тысячелетии ситуация с кодификацией института признания не претерпела существенных изменений. Это, на наш взгляд, отражается и на вариативности выражения признания. Оно может быть выражено не по единой форме, а путем передачи по международным каналам соответствующего решения компетентного органа, направления послания новому субъекту международного права, сообщения о готовности установить с другим государством дипломатические отношения.

Принимая во внимание современную тенденцию активизации межгосударственных отношений, мы полагаем, что она формирует необходимые предпосылки для выработки единого правового подхода

к проблеме кодификации признания. Не последнюю роль в этом процессе играет теоретическая мысль.

Прежде всего, подчеркнем, что в последние годы доктрина международного права пополнилась большим количеством работ по данной проблеме⁴. При этом все такие работы неизменно учитывают две исторически сложившиеся теории признания – конститутивную и декларативную – и основываются на них.

Как известно, первая из них исходит из того, что признание конституирует, т.е. порождает международную правосубъектность того или иного политического образования, претендующего на государственность. Иными словами, превращает фактическое состояние в юридическое⁵. И хотя об этой теории сейчас обычно пишут в прошедшем времени, в третьем тысячелетии отмечаются спорадические попытки непризнания или отзыв признания государств, попытки поставить их существование в зависимость от воли и признания извне. В этом свете заслуживает критической оценки позиция отдельных представителей отечественной науки международного права, которые приводят свои доводы в обоснование конститутивной теории признания⁶.

Никто не спорит, что сфера современной международной жизни отличается исключительной напряженностью, в которой следует тщательно оценивать особенности ее проявлений, а в реакции на такие проявления руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права. Об этой прописной истине приходится напоминать в связи с тем, что влиятельные политические, коммерческие и другие группировки отдельных стран, прикрываясь лозунгами «современных условий» и «политической целесообразности», в действительности прикрывают свое стремление сохранить существующий порядок, при котором им гарантирована защита их сугубо эгоистических материальных интересов⁷.

В основе этого подхода нетрудно разглядеть корни так называемой дискреционной теории, согласно которой международное обычное право не знает обязанности предоставлять признание государственному образованию⁸.

Да, такой обязанности не существует. Но в ней и не существует необходимости, поскольку тем самым, во-первых, отрицался бы общепризнанный принцип самоопределения. Во-вторых, акт признания в принципе не может носить характер обязанности, поскольку требует предварительной оценки того, обладает ли соответствующее

политическое образование характеристиками, позволяющими считать его государством, и далее исходить из такой оценки. Такой оценки избежать нельзя.

Но это не имеет ничего общего с дискреционной теорией, которая, похоже, снова взята на вооружение внешней политикой некоторых западных государств в ее, можно сказать, вульгарном выражении: «обязанности нет – не стану признавать». Такая позиция во многом способствует если не дезорганизации процесса интернационализации международной жизни, то созданию серьезных препятствий и проблем на этом пути.

Безусловно, признание одним государством другого *de jure* создаст весьма благоприятные отношения между ними, открывая возможности для различных форм взаимного сотрудничества. Но в контексте сказанного выше более подходящей представляется декларативная теория признания, согласно которой государство является таковым, субъектом международного права, с момента своего возникновения, под которым понимается соответствующее провозглашение его высшим государственным органом, обладающим необходимой компетенцией. Внешнее признание, таким образом, не наделяет государство международной правосубъектностью, а лишь констатирует такую правосубъектность, способствуя, помимо прочего, вхождению нового государства в систему межгосударственных отношений.

Сегодня декларативная теория исключительно востребована, поскольку она с очевидностью способствует настоящему требованию современности: скорейшему вхождению новых государственных образований в орбиту двусторонних, многосторонних, региональных и глобальных интеграционных процессов. Особенно, можно сказать, с образованием таможенных союзов и единого экономического пространства.

Декларативная теория весьма востребована и в вопросе, касающемся признания правительств. Как правило, это происходит «автоматически»: акт признания государства как субъекта международного права одновременно означает и акт признания его правительства.

Вопрос же об отдельном признании правительства возникает в случае его формирования неконституционным путем. В таком случае признание его *de jure* необязательно, достаточно продолжать с новым правительством нормальные официальные отношения. Этот подход согласуется с известной доктриной Эстрада, которая исходит из того, что признание правительства данной страны не требует особого акта

иностранных государств, достаточно поддерживать с ним дипломатические отношения⁹.

Современная практика решающим условием признания правительства считает эффективность его власти. Показательна в этом отношении практика США. Так, Соединенные Штаты считают допустимым установление официальных отношений с иностранным правительством, если оно осуществляет эффективный контроль на своей территории и способно брать и выполнять международные обязательства. Здесь следует подчеркнуть, что США непоследовательны в этом вопросе, осуществляя избирательный подход к правительствам государств, основанный на собственных национальных интересах. В этой связи приведем еще одно условие признания – форму правления. Парижская Хартия для новой Европы, принятая в рамках СБСЕ в 1990 г., признала демократическую форму правления в государствах единственно приемлемой¹⁰. Представляется, что такое установление полезно, оно лучше, нежели используемое США условие об эффективности власти, которое часто выдвигается ими неоднозначно. Вместе с тем, установление Парижской Хартии для новой Европы тоже в определенной мере таит в себе опасность.

Дело в том, что под надуманными заявлениями о неприемлемости формы правления правило Парижской Хартии может быть использовано для непризнания новых или вообще правительств. Это может делаться или делается для прикрытия своих интересов, как это имеет место во внешнеполитическом курсе США¹¹.

Помимо всего отмеченного, заслуживает внимания то обстоятельство, что правительство, пришедшее к власти неконституционным путем, может получить полновесное признание, если оно поддерживается народом и отсутствует вмешательство во внутренние дела государства при приходе правительства к власти.

Не теряет остроты в наши дни вопрос о признании правительства в эмиграции. Такое признание должно предоставляться лишь в случае незаконного, насильственного изгнания правительства. В недавнем прошлом в изгнании оказалось избранное народом правительство Ирака, территория которого была оккупирована заокеанскими агрессорами и их союзниками. В настоящее время перспектива изгнания актуальна для правительства Сирийской Арабской Республики, которое в случае бегства из страны может быть признано государствами правительством в эмиграции.

Системный подход к решению проблемы признания и непризнания, по мнению большинства ученых, сформировался в ООН. Генеральной Ассамблеей (ГА) и Советом Безопасности (СБ) ООН принимались резолюции, в которых устанавливались положения о законности или незаконности политических образований с позиции международного права.

Как известно, на основании Резолюций СБ о непризнании стали применяться санкции в соответствии с главой VII Устава ООН. Со стороны ООН принимались меры, направленные на ликвидацию расистских режимов, реализацию права народов на самоопределение, на восстановление территориальной целостности государств и защиту основных прав и свобод человека. Список таких примеров большой, и известный (от Конго и Ю.Родезии до Южной Осетии и Абхазии).

Резолюции ООН создавали и создают правила непризнания или признания статуса рассматриваемых образований. Государства – члены ООН ориентируются на эти правила, предоставляя признание либо отказывая в нем вновь возникшим образованиям. Д. Дюгард в книге «Признание и ООН», изданной в 1987 г., подробно исследовал правила непризнания, осуществлению которых способствовала ООН¹². Координированные действия ООН совместно с государствами-членами формировали правила в этом направлении.

Для целей нашего анализа представляют интерес некоторые классические примеры.

Так, достаточно долго ООН обсуждала конголезский и родезийский кризисы, в результате чего впервые приняла правила непризнания.

В связи с попыткой сепаратистов Катанги расчленить Конго с помощью Бельгии 14 июля 1960 г. СБ ООН принимает резолюцию: 1) о выводе оккупационных бельгийских войск со всей территории Конго; 2) об оказании помощи правительству Конго в сохранении территориальной целостности республики.

24 апреля 1961 г. СБ вновь принимает резолюцию (169), которая осудила подпитываемый извне сепаратизм администрации правительства Катанги и потребовала немедленного прекращения такой деятельности. Несмотря на отсутствие каких-либо явных утверждений, свидетельствующих о требовании не признавать так называемое государство Катанга, исследователи склонны считать, что Совет принял правило непризнания¹³.

Итак, конголезский кризис обусловил формирование правила непризнания. Согласно ему, отделение Катанги от Конго было признано незаконным, нарушающим общепризнанные принципы

территориальной целостности государства и невмешательства в его внутренние дела. Важно отметить, что СБ ООН оценил данную ситуацию на основе главы VII Устава ООН и принял решение о вооруженных силах ООН. В итоге, ни одно государство не признало Катангу.

Более продуманные и целевые меры СБ предпринял в последующем в отношении Южной Родезии (Зимбабве). Причиной их осуществления стало то, что в этом регионе, который находился под управлением Великобритании, европейские поселенцы (белое меньшинство) во главе с Я. Смитом создали государственную администрацию¹⁴. 11 ноября 1965 г. белое меньшинство провозгласило независимость Ю. Родезии. 12 ноября 1965 г. СБ ООН призвал все государства не признавать незаконный режим расистского меньшинства в Ю. Родезии. В резолюции 217 (1965 г.) Совет определил ситуацию в Ю. Родезии как угрожающую международному миру и безопасности и призвал все государства не признавать эту незаконную власть и не поддерживать с ней каких-либо дипломатических или других отношений. Непризнание Ю. Родезии связывалось с применением санкций¹⁵. Так, СБ принял резолюцию (277) о всеобъемлющих санкциях против Родезии, в которой постановил, что государства – члены Организации должны воздержаться от признания незаконного режима и оказания ему какой бы то ни было помощи.

Г.И. Курдюков пишет, что пример Ю. Родезии показал, как Совет Безопасности отстаивал правила непризнания, ввел систему санкций и организационные меры¹⁶. Ни одно государство не признало Ю. Родезию. В 1980 г. в результате реализации права на самоопределение черным большинством населения Ю. Родезии возникло новое государство Зимбабве, и таким образом правило непризнания расистского режима трансформировалось в правило признания нового государства как законного образования.

В последующие годы ООН продолжала вырабатывать правила непризнания и признания. В частности, это было связано с позицией Организации в отношении ЮАР и Намибии. В виду отказа ЮАР включить Намибию в систему международной опеки и ее оккупации, Международный суд ООН в консультативном заключении от 11 июля 1950 г. о международном статусе Юго-Западной Африки (Намибии) постановил, что Южно-Африканский Союз не имеет права изменять международный статус Юго-Западной Африки, и что такое право принадлежит Союзу в том случае, если он действует с согласия ООН¹⁷.

С началом вооруженной борьбы народа Намибии во главе с организацией СВАПО, получившей индивидуальное и коллективное признание¹⁸, против южно-африканской оккупации ГА ООН в своей резолюции (2145) от 26 октября 1966 г. отменила мандат ЮАР на управление территорией Намибии. Юридически Намибия стала находиться под управлением ООН. В дальнейшем СБ ООН более четко и жестко устанавливает правила непризнания о незаконном пребывании ЮАР на территории Намибии и требует предоставления ее народу независимости. В резолюциях 276 (1970 г.) и 283 (1970 г.) СБ подтвердил незаконность пребывания ЮАР на территории Намибии и ее актов и призвал государства – члены ООН воздержаться от каких-либо действий, в том числе и торговых отношений с ЮАР. Совет постановил, что ни одно государство не должно принимать меры, направленные на признание или поддержку присутствия ЮАР в Намибии.

В связи с этим интересно отметить консультативное заключение Международного суда ООН от 21 июня 1971 г. В нем Суд назвал, во-первых, юридические последствия для государств-членов ООН, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии: 1) государства обязаны признать незаконность и недействительность такого присутствия; 2) государства обязаны воздерживаться от вступления в договорные отношения с ЮАР во всех случаях, когда она пытается предпринимать действия от имени или в отношении Намибии; 3) государства обязаны воздерживаться от направления в Южную Африку дипломатических или специальных миссий, консульских работников; 4) государства обязаны воздерживаться от вступления в экономические и другие отношения с Южной Африкой от имени Намибии. Во-вторых, по мнению Международного суда ООН, прекращение действия мандата и объявление незаконным присутствия Южной Африки в Намибии касаются всех государств, поскольку *erga omnes* провозглашается незаконность ситуации, сохраняющейся в нарушение международного права¹⁹.

В конце концов, в результате международных усилий под эгидой ООН в марте 1990 г. Намибия стала независимым государством, а в апреле того же года членом ООН и получила международно-правовое признание²⁰.

В стратегии ООН по решению проблемы ЮАР и Намибии отразился курс на продолжение установления правил непризнания и признания. В нем отразились более жесткие предписания в отношении ЮАР,

включая применение к ней международно-правовых санкций. В этом курсе прослеживается обязанность всех государств выполнять резолюции СБ. В этот период ООН четко наметила инструментальные подходы, к которым активно были подключены государства: создание комитета по санкциям, групп наблюдения и контроля выборов, соблюдение прав человека. В конечном счете, это привело к признанию органа национально-освободительного движения СВАПО, непризнанию марионеточных государств и возникновению нового государства Намибии.

В последующем практика ООН по вопросам непризнания и признания заявленных образований становилась совершенной и целенаправленной. ООН способствовала становлению молодых государств, народы которых ранее не имели своей государственности. Постепенно проявлялась тенденция к выработке согласованных действий между органами ООН и ее членами-государствами. Правда, не всегда ООН добивалась поставленных целей, здесь срабатывали многие факторы, в том числе и позиция постоянных членов СБ²¹. Однако методы преодоления разногласий превалировали и приводили к согласованному общему интересу. Одним из новых или же поздних примеров является Восточный Тимор. Операции ООН в В.Тиморе были названы самыми всеобъемлющими и в некоторых отношениях самыми трудными за всю историю ООН²².

В 1960г. ГА ООН внесла В.Тимор в список самоуправляющихся территорий. Согласно ст. 73. Устава ООН, Португалия, по резолюциям ГА и СБ, приняла на себя ответственность за управление территорией, народ которой еще не достиг полного самоуправления. В 1974 г. Португалия как управляющая держава признала право народа В.Тимора на самоопределение и независимость.

В ноябре 1975г. Революционный фронт за независимость В.Тимора (ФРЕТИЛИН) провозгласил независимость В.Тимора. Между политическими партиями В. Тимора вспыхнула гражданская война. Воюющие стороны разделились на два лагеря: одна из них провозгласила независимость В. Тимора от кого бы то ни было, другая – независимость и присоединение к Индонезии. Португалия ушла из В. Тимора, заявив, что она не в состоянии контролировать ситуацию. Рассмотрев обращение Португалии, недовольной оккупацией В. Тимора Индонезией, ГА ООН в резолюции 31/53 от 1 декабря 1976 г. не признала объединение В. Тимора с Индонезией, поскольку народ территории не имел возможности свободно осуществлять свое право на самоопределение

и независимость. Свои резолюции ГА подтвердила в 1978 г. и 1989 г. СБ ООН в резолюции 389 от 22 апреля 1976 г. призвал все государства уважать территориальную целостность В. Тимора, а также неотъемлемое право его народа на самоопределение. ГА и СБ совместно потребовали, чтобы Индонезия вывела оттуда свои войска.

С этого времени начинаются основные этапы действий и операций ООН в В. Тиморе²³. По просьбе ГА ООН в 1983 г. Генеральный Секретарь начал переговоры с Индонезией и Португалией (законной на тот момент управляющей державой) в целях содействия справедливому и полному урегулированию. 5 мая 1999 г. Индонезия, Португалия и ООН заключили ряд соглашений, с тем, чтобы выяснить, готово ли население В. Тимора согласиться со статусом особой автономии, предложенным Индонезией. Если автономия будет отвергнута, за этим последуют отделение Восточного Тимора от Индонезии и переход, под властью ООН, к независимости²⁴.

На основе этих соглашений 11 июня 1999г. была создана Миссия ООН в Восточном Тиморе (МООНВТ), она организовала и провела регистрацию избирателей и официальное голосование. 78,5% избирателей отвергли предложение об автономии в составе Индонезии. Началась волна насилия, и в результате ожесточенного конфликта было перемещено свыше 70% жителей в Западный Тимор. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) оказало гуманитарную помощь и обеспечило защиту 160 000 беженцам, в том числе провело большую работу по реконструкции жилья в Восточном Тиморе. В связи с серьезными нарушениями прав человека, совершенными в 1999 г. в Восточном Тиморе, была создана независимая комиссия экспертов для анализа ситуации с судебным преследованием за эти преступления, которая представила свой доклад СБ ООН.

Действуя в соответствии с главой VII Устава ООН, СБ в сентябре 1999 г. санкционировал отправку Международных сил в Восточный Тимор (МСВТ), которые помогли в восстановлении порядка. В октябре 1999 г. Совет сформировал Временную администрацию ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ). Она была наделена полной законодательной и исполнительной властью на период перехода Восточного Тимора к независимости и поддержания мира и безопасности. Временная администрация установила гражданское правление на всей территории.

30 августа 2001г. более 90% избирателей выбрало Учредительное собрание, которое приняло первую конституцию. 20 мая 2002 г.

Восточный Тимор обрел независимость. Учредительное собрание было преобразовано в национальный парламент, назвавший новое государство – Тимор-Лешти. В тот же день вышел Указ Президента РФ «О признании Российской Федерацией Восточного Тимора и об установлении с ним дипломатических отношений». 27 сентября 2002 г. государство Тимор-Лешти стало 191-м членом ООН.

На примере Восточного Тимора очевидно, как ООН подтверждала установленные правила непризнания и признания и вводила новые критерии, соотносящиеся с новыми реалиями и общепризнанными правовыми нормами. Тем временем можно сделать вывод, что всеобщая практика ООН, ее политические и правовые решения формировали нормы международно-правового непризнания и признания. При этом рассматривались конкретные виды: государства, борющиеся народы, правительства и политические режимы. В актах ООН прослеживается обязанность непризнания государствами-членами ООН тех или иных образований. Несомненно, здесь проявились системность и целенаправленность действий ООН. Как отмечается в зарубежной литературе, непризнание есть отказ в правовом статусе²⁵. Как правило, государства выполняли резолюции Совета Безопасности о непризнании. Вместе с тем, не было решений о принятии мер в отношении государств, не выполнявших резолюции Совета Безопасности.

Практика ООН показывает, что по сей день остается актуальным вопрос о кодификации института международно-правового признания, куда бы вошли нормы, закрепляющие критерии непризнания²⁶. Мы не случайно в своей работе тесно связываем признание и непризнание так как считаем, что они суть явление парное, соответствующее формуле «две стороны одной медали». Ведь в истории было немало случаев, когда непризнание переходило в признание²⁷ (выше мы отметили пример, когда правило непризнания расистского режима преобразовалось в правило признания нового государства как законного образования).

ООН создавала правила признания и непризнания в неразрывной связи с реализацией принципа равноправия и самоопределения народов главным образом в условиях колониальной системы. В этих условиях принцип «работал» на создание новых, независимых государств. Однако с завершением процесса деколонизации встал вопрос о судьбе этого принципа. Ведь его применение в новых условиях могло привести к обратному действию – к распаду существующей сегодня системы

государств. Тем временем, ключевой документ современного международного права – Заключительный акт СБСЕ 1975 г. называет принцип «равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой», в нем даже закреплены формы его реализации. Адекватно оценивая роль и значимость документа СБСЕ, дающего данному принципу «зеленый свет», М.В. Филимонова, тем не менее, отмечает, что «настоящий этап нормативного совершенствования принципа может пойти в двух направлениях – наполнения его новым содержанием с учетом требований времени или его исключения из перечня основных принципов как выполнившего свое предназначение»²⁸.

В этом свете первоочередным делом, сообразующимся с требованиями времени, является исследование принципа равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности государств во взаимосвязи и в рамках сложившихся государств, прежде всего федеративных и многонациональных. С.В. Черниченко пишет, что «реализация принципа самоопределения народов в современных условиях не должна нарушать территориальной целостности и политического единства государств»²⁹. Практика ООН идет в этом направлении. Например, Организация признала территориальную целостность Кипра в связи с неправомерным односторонним провозглашением Турецкой республики северного Кипра. В 1993 г. ООН признала Эритрею как целостное и отдельное от Эфиопии государство, в последующем она подтвердила незыблемость территориальной целостности Российской Федерации и других государств.

И, тем не менее, в завершение отметим, что практика ООН и государств не дает однозначного ответа на возникающие вопросы. Здесь много политически мотивированных подходов и действий, особенно в отношении событий из новейшей истории, связанных с отделением Косово от Сербии (вопреки действующей резолюции СБ ООН 1244 от 10 июня 1999 г. о территориальной целостности Югославии и Сербии Международный суд ООН принял продиктованное политикой консультативное заключение от 22 июля 2010 г., суть которого состоит в том, что объявление Косовом независимости не нарушило международного права)³⁰, и с законным провозглашением независимости Южной Осетии и Абхазии, ведь хорошо известно, что под влиянием резолюций ГА ООН³¹ большинство государств не признало эти суверенные республики. Подобная избирательность ООН и большинства стран в отношении признания новых государств в постсоветском

пространстве привносит недопустимый элемент диссонанса в систему общепризнанных правил признания и непризнания в международном праве.

Таким образом, комплексный международно-правовой анализ понятий «признание» и «непризнание» показал, что по сей день остается актуальным вопрос о кодификации института международно-правового признания, куда бы вошли нормы, закрепляющие критерии непризнания.

Recognition and Non-recognition of States: the Experience of the Complex International Legal Analysis of Concepts (Summary)

*Ahmed M. Ibragimov**

The subject of the review was the recognition of States and representing their governments due to the fact that in modern international practice the very important for study process of formation or change of the sovereign political institutions of the society is continuously taking place. The institute of recognition in international law is functioning as usual-legal phenomenon. However, this in no way detracts from its value for the stimulation of the inter-state relations. Although the concept of “non-recognition” is the opposite of recognition, it is closely connected with it. Unlike the recognition it has not reached the level of legal Institute, but it is in process and is used in international relations for the purpose of non-admission of unlawfulness of the political entities from the perspective of international law.

Keywords: recognition; non-recognition; state; experience; analysis; concept.

* Ahmed M. Ibragimov – Ph.D. in Law, assistant professor of the Chair of International Law, Dagestan State University. ahmed63@yandex.ru.

- ¹ См.: Гуреев С.А. Субъекты международного права // Московский журнал международного права. 2012. № 1. С. 31.
- ² Признание в современном международном праве / Под общей редакцией проф. Д.И.Фельдмана. Казань, 1975. С.6.
- ³ См.: Там же. С.12.
- ⁴ Мы, в свою очередь, изложили некоторые вопросы теории и практики признания в свете новых реалий. См.: Ибрагимов А.М. Признание в международном праве: некоторые вопросы теории и практики и современность // Жизнь, отданная науке / Под ред. д.ю. н., проф. Железнова Б.Л., д. ю. н., проф. Курдюкова Г.И. Казань, 2004. С. 113-119; Ибрагимов А.М. Признание и непризнание в международном праве: институциональные решения и теоретические аспекты // Материалы научно-практической конференции «Международное право: вчера, сегодня, завтра», 8-9 октября 2010г. К 100-летию со дня рождения профессора Романа Львовича Боброва. СПб, 2011. С. 92-101.
- ⁵ Лукашук И.И., Шинкарецкая Г.Г. Международное право. Элементарный курс. М., 2000. С. 63.
- ⁶ См.: Хлестов О.Н. Международное право и Россия // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 52-59.
- ⁷ См.: Курдюков Г.И., Мамедов У.Ю. К вопросу о международной правосубъектности // Жизнь, отданная науке / Под ред. д.ю. н., проф. Железнова Б.Л., д.ю. н., проф. Курдюкова Г.И. Казань, 2004. С. 84-85.
- ⁸ См.: Фельдман Д.И., Фарукшин М.Х. Крах колониальной системы и некоторые вопросы международно-правового признания и правопреемства // Правоведение. 1962. № 2. С.118.
- ⁹ См.: Иванов Д.В., Гликман О.В. Международное право: основные понятия. Учебное пособие. М., 2010. С.71.
- ¹⁰ См.: Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1993. С. 310.
- ¹¹ В официальной доктрине США нет формального требования о форме правления как условии признания, но фактически оно в последнее время предъявляется.
- ¹² См.: Grant, Thomas D. East Timor, the U. N. system, and enforcing non-recognition in international law In: Vanderbilt journal of transnational law. Band / Quelle Vol. 33 (2000) Nr. 2 S. 280.
- ¹³ См.: Grant Th. D. Op. cit. S. 278.
- ¹⁴ См.: История дипломатии. Т. V. М. 1979. С. 554-555.
- ¹⁵ См. также: Brownle I. Principles of Public International Law. Fourth edition Oxford. New York, 1990. P. 98.
- ¹⁶ Курдюков Г.И. ООН о признании и непризнании в международном праве //Казанский журнал международного права. 2008. № 2. С. 4-10.
- ¹⁷ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. 1948-1991. ООН. Нью-Йорк, 1993. С. 14.
- ¹⁸ О правовых аспектах борьбы за освобождение Намибии см.: Старушенко Г.Б. Мировой революционный процесс и современное международное право. М., 1978. С. 135-142.
- ¹⁹ См.: Краткое изложение... С. 100-101.
- ²⁰ См.: Основные факты об Организации Объединенных Наций. М., 2005. С. 363-365.

²¹ В частности, США наложили вето на прием Анголы (НРА) в ООН, в то время как НРА (1976г.) являлась членом ОАЕ и была признана де-юре более чем двумя третями государств-членов ООН. В этом случае, игнорируя принцип универсальности, США нарушили дух и букву Устава ООН. Новой вехой в развитии института признания стали критерии ЕС о признании республик бывшей Югославии, СССР и восточноевропейских государств.

²² Аннан К.А. Общая судьба – новая решимость. Годовой доклад о работе Организации за 2000 год. Нью-Йорк, 2000. С. 2.

²³ См.: Основные факты об Организации Объединенных Наций... С. 365-367.

²⁴ См.: Аннан К.А. Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе Организации за 1999г. Нью-Йорк, 1999. С. 31.

²⁵ См.: Hillgruber Ch. The Admission of New States to the International Community // *European journal of International Law*. 1998. № 9. P. 494-495.

²⁶ О проектах и планах кодификации института признания см., в частности: Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965. С. 27.

²⁷ См.: Курдюков Г.И. Кодификация института признания в международном праве// *Международное право: вчера, сегодня, завтра*. К 100-летию со дня рождения профессора Романа Львовича Боброва. Тезисы докладов на научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 8-9 октября 2010г. / Под ред. С.В. Бахина. СПб, 2010. С. 11.

²⁸ См.: *Международное публичное право. Учебник / Отв. ред. К.А. Бекашев. М., 2005. С. 97.*

²⁹ Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // *Московский журнал международного права*. 1996. № 4. С. 18.

³⁰ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/09/100909_un_serbia_kosovo.shtml

³¹ См.: http://sd.net.ua/2009/09/10/rezoljucija_oon_juzhnaja_osetija_i_abkhazija__sostavnye_chasti_gruzii.html